

На следующее утро Дурсли, вопреки стонам Дадли, поднялись ни свет ни заря. — Нам нужно кое-что сделать, — успокаивал Вернон, бросая на Гарри многозначительный взгляд, — а потом уже наслаждаться каникулами. За завтраком, обильным, как всегда, Гарри не выдержал: — Вы правда собираетесь отдать меня какому-то человеку, в котором даже не уверены, что он мой отец? Вернон лишь отмахнулся, не желая отвечать на вопросы. Петуния же, наоборот, расплылась в самодовольной улыбке, от которой Гарри начинало воротить. — Ты знаешь, откуда я это знаю? — ехидно спросила она, не дожидаясь ответа. Вероятно, Петуния, уже предвкушая скорую разлуку с Гарри, решила проявить великодушие и поведать ему правду об их внезапной поездке. Эта мысль заставила Гарри нахмуриться. — Да, он твой отец. Я прочла об этом в дневнике Лили. Она хранила его под кучей старых вещей наших родителей, чтобы спрятать от посторонних глаз. После ее смерти я получила коробку, но так и не удосужилась ее открыть. Вот бы я раньше это сделала, тогда мы избавились бы от тебя много лет назад, — Петуния с тоской вздохнула, прежде чем продолжить. — Лили не хотела, чтобы все знали, что она не такая уж идеальная и замечательная, какой ее все считали. Она не хотела, чтобы ее муж узнал о ее... нескромных отношениях с каким-то американцем в баре, — заявила Петуния, явно наслаждаясь тем, что наконец-то может чем-то превзойти свою сестру. Гарри знал, что Петуния считала себя примерной домохозяйкой, и узнать, что его мама была неверна, означало для нее, что она, Петуния, оказалась лучшей женой. — Значит, она встретила кого-то в баре, но это не значит, что он автоматически мой отец, верно? — нервно спросил Гарри. — Она написала, что уверена, что твой отец — именно тот американец, с которым у нее была связь. Она провела какой-то магический тест, чтобы доказать это, — уверенно заявила Петуния. Это было воплощением ее мечты — победить Лили и избавиться от ее ужасного, уродливого сына. Гарри практически чувствовал ее ликование по поводу сложившейся ситуации. — Она записала его имя, и мы смогли его найти. Он очень богатый и известный человек. Я уверена, что он с радостью возьмет тебя к себе. Он может себе это позволить, это точно. — Но что, если это неправда? — в отчаянии спросил Гарри. — Сейчас есть тесты ДНК для проверки таких вещей, и, судя по тому, что я читал, он может проверить их очень быстро. У него, наверное, была своя доля претензий на отцовство со всеми его деньгами, — добавил свои два цента Вернон. — Но это правда, и ты будешь жить с ним, — сказала Петуния с окончательным видом, который положил конец разговору и дал понять, что она считает свое слово законом. — Я хочу прочитать мамин дневник. Я хочу сам убедиться, действительно ли это то, что она написала, — потребовал Гарри. — Ты скоро узнаешь правду, мальчик, а сейчас сядь и заткнись. Нам осталось терпеть тебя совсем недолго, и я бы предпочел, чтобы мне не пришлось слушать твоё нытье до тех пор, — прорычал Вернон, его лицо покраснело, что никогда не сулило ничего хорошего. Гарри знал, что больше ничего не может сделать, но от этого ему не становилось легче. Он не знал, что думать или чувствовать. Ведь не может же это происходить с ним на самом деле? Он был в ужасе от того, насколько Петуния была уверена в себе. Он хотел прочитать дневник, но Петуния не позволила ему даже заглянуть в него. В конце концов, ему ничего не оставалось, как пойти с ними. После года в Хогвартсе, где он был лидером и мог сам принимать решения, было тяжело снова оказаться под абсолютной властью Дурслей. Они не заботились о том, чтобы объяснить ему что-то или узнать его мнение о чем-либо. Он чувствовал себя беспомощным. Они делали то, что хотели, и ожидали, что он будет подчиняться им, иначе его постигнет их гнев. Так Гарри снова оказался в арендованной машине. Его багажник был упакован, клетка Хедвиг лежала у него на коленях, и они поехали. Гарри пытался развлечь себя, разглядывая прекрасный город. Он никогда раньше не видел таких высоких зданий и такого количества людей. Он никогда раньше не был в таком большом городе, разве что мельком видел Лондон. Дурслеи никогда не брали его с собой, поэтому ему нравилось видеть новые места. Это заставило Гарри задуматься об американских волшебниках и о том, есть ли у них такое место, как Аллея Диагонов, спрятанное где-то между оживленными улицами и высокими небоскребами. Они въехали в самое сердце города. Казалось, они все ближе и ближе подъезжали к одному высокому зданию, которое

действительно выделялось на фоне остальных. Его форма отличалась от других. Вместо прямых углов оно имело изгибы и привлекательную архитектуру, что выделяло его среди других небоскребов. На нем большими и жирными буквами было написано STARK. Его можно было увидеть за много миль. Как оказалось, здание Старка действительно было местом их назначения. Гарри почувствовал, как его нервы натянулись, когда они вошли в вестибюль башни Старка. Он был таким чистым, что Гарри казалось, будто он попал в другой мир. Когда он вошел в Хогвартс, это было похоже на шаг в прошлое, в древний замок, в котором не было электричества. Если вход в Хогвартс был похож на путешествие в прошлое, то Башня Старка была похожа на путешествие в будущее. Все выглядело так современно: сенсорные компьютерные экраны на информационной стойке, мотивы из металла и стекла во всем вестибюле. Гарри был в благоговении и на мгновение забыл, зачем они вообще здесь оказались. Он вспомнил об этом, когда Вернон подошел к стойке информации и потребовал, чтобы его немедленно принял Тони Старк. Гарри почувствовал толчок и задумался, так ли звали человека, которого они считали его отцом. Если он Тони Старк, значит ли это, что ему принадлежит это здание? Эта мысль поразила Гарри. — Мне жаль, сэр, но это просто невозможно. Вы можете попытаться позвонить его помощнику и договориться о встрече. Но я точно знаю, что шансы на это очень малы. Запись на прием может занять месяцы, и даже тогда мистер Старк известен тем, что пропускает свои встречи. Мистер Старк — очень занятой человек, — сказала секретарша вежливым, но твердым тоном. Гарри подумал, что со стороны Вернона было довольно глупо проделать весь этот путь и не изучить этого человека настолько, чтобы понять, что им нужно записаться на прием к нему. Вернон, словно петух, взъерошил перья. — Я уже несколько раз пытался дозвониться, но всё без толку. Поэтому пришел лично, и думаю, он найдет время. Я здесь, чтобы подбросить его сына, видите ли. Его слова, как удар грома, раздались в тихом вестибюле. Женщина за стойкой регистрации вздрогнула, а другие посетители, словно замороженные, повернули головы в сторону Дурслей. Сундук, клетка с совой и сам Гарри уже привлекали к себе внимание, но теперь все глаза были прикованы к Вернону. Он чувствовал себя героем пьесы, играющей прямо перед ним, и уже представлял, как его сын, будучи сыном самого Тони Старка, наследует его богатства и славу. — Насколько мне известно, у мистера Старка нет сына, — спокойно сказала секретарша. Гарри, сидящий на своем сундуке, чувствовал, как по спине пробегает холодок. Он знал, что всё это закончится плохо. Дурсли, словно заблудшие в лабиринте собственных фантазий, зашли слишком далеко. Тони Старк, чье имя украшало фасад здания, был, несомненно, богат, возможно, даже богаче Малфоев. Но зачем им понадобилось выдать Гарри за его сына? Что они задумали?